

ДЕКАБРИСТЫ В АРМЕНИИ В 1826—1828 гг.

М. Г. НЕРСИСЯН

После разгрома восстания декабристов новый обладатель царского престола Николай Палкин организовал свирепую расправу над славными представителями «дворянских революционеров»¹. Пятеро наиболее выдающихся из них, как известно, были повешены, многие разжалованы в солдаты и сосланы в Сибирь на каторгу и поселение. Часть «мятежников» была отправлена в армейские полки Отдельного Кавказского корпуса, с расчетом на то, что в войнах и многочисленных кровавых сражениях, разгоревшихся на Кавказе, смерть унесет участников восстания гораздо больше, чем в суровой Сибири.

Общее число декабристов и «прикосновенных» к их делу лиц, а также рядовых участников восстания (солдат, матросов), отправленных на Кавказ, превышало три тысячи. Большинство из них побывало в Закавказье, в частности в Армении, и принимало активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг., войне, одним из важных результатов которой было освобождение Восточной Армении от ига персидских поработителей и присоединение ее к России. В течение почти двух лет герои 1825 года вместе с солдатами Кавказского корпуса и местными добровольцами храбро и самоотверженно сражались против войск персидских ханов, веками угнетавших народы Закавказья. Русские революционеры с оружием в руках участвовали во многих битвах и сражениях, сыгравших огромную роль в исторических судьбах армянского народа.

1.

Из сосланных на Кавказ декабристов и «прикосновенных» лиц, прибывших в Армению и принимавших активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг., следует, прежде всего, упомянуть Е. Е. Лачинова, М. И. Пущина, Н. Н. Депрерадовича, А. С. Гангемлова, Н. Н. Семичева, П. П. Коновницына, Ф. Г. Вишневого, П. А. Бестужева и В. Д. Вольховского.

Евдоким Емельянович Лачинов (1799—1875) был членом Южного Общества. Накануне восстания 14 декабря он служил поручиком квартирмейстерской части при главном штабе 2-й армии. В апреле 1826 года его арестовали и передали военному суду, решение которого было утверждено царским приказом от 25 ноября 1826 года. Евдокима Емельяновича разжаловали в солдаты, лишили чинов, ордена, дворянского звания, «переломили над ним пред войсками шпагу по снятии мундира»² и в конце ноября, после восьмимесячного заключения в Тираспольской крепости, отправили на Кавказ в качестве рядового в действующие полки 20-й пехотной дивизии³.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 9.

² Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 48, оп. 1, д. 147, л. 15.

³ См. там же, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 135, л. 3.

В начале января 1827 года Лачинов прибыл в Тифлис, и через несколько дней его определили в 39-й егерский полк. В июне 1827 года полк этот вместе с другими частями главных сил Кавказского корпуса вступил в Эриванское ханство, и скоро Евдоким Емельянович принял участие в осаде крепости Эривань, происходившей в мае-июне. Об этих днях он в своих записках писал: «Первый батальон нашего полка, занимая г. Эривань, размещался в магометанском монастыре, караван-сараяе и нескольких домах; второй же, большею частью в балаганах, не за недостатком квартир, но по военным соображениям. Расположение наше было выгодно во всех отношениях. Строения прикрывали взаимное сообщение наше, защищали секреты и стрелков, которые наблюдали движение неприятеля и, заметивши слишком отважных, выстрелами напоминали им об опасности и тем стесняли выход их в поле; некоторые даже кровию заплатили за свою смелость, тогда как пули осажденных свистали чрез ограды над головами нашими, без малейшего вреда... Случались нередко перестрелки и с секретами их в тех местах, где оные могли выходить за укрепления, но и перестрелки эти оканчивались без урона. Ночью заметна была большая осторожность со стороны осажденных: несколько раз с факелами обходил дозор по стенам; сверх того, бросались в ров и на гласис зажженные пламенники и отблеск разливался далеко по форштату. Команды наши ходили в окрестности косить траву и пшеницу, которую мололи ручными жерновами; за неимением же лесу вынуждены были на дрова выламывать дерево из строений и оттого в продолжение двухмесячной блокады почти все ближайшие дома к занимаемым постоям потерпели разорение, а также пострадали и многие деревья в садах; но когда война не влечет за собою разрушений?»¹.

Осада крепости Эривань была временно снята, ввиду сильной жары и массовых болезней русских солдат. Начальник Эриванского отряда генерал-лейтенант Красовский решил оставить Эривань и отвести свои войска на склоны горы Арагац, чтобы дать им отдохнуть и оправиться. В конце июня отряд Красовского расположился лагерем в районе Баш Абарана, в урочище Джангили. Лачинов здесь провел весь июль и первую половину августа. Скоро ему довелось быть участником кровопролитного сражения.

В начале августа крупные силы персидской армии блокировали Эчмиадзин, который защищали батальон русских войск и кавалерийская сотня армянских ополченцев. Осажденные не могли долго устоять—нужна была помощь. Когда весть о тяжелом положении Эчмиадзина дошла до Красовского, он поспешил на выручку его защитников. Отряд, в составе которого было не более 2800 человек, в том числе и 1-я армянская дружина, двинулся к Эчмиадзину, но, не дойдя до него, под деревней Ошакан встретился с вражескими войсками, насчитывавшими до 30 000 пехотинцев и кавалеристов. Это произошло 17 августа. Отряд Красовского был окружен, завязался ожесточенный кровопролитный бой. Русские бойцы с замечательной отвагой и храбростью отражали яростные атаки сильного и многочисленного врага. Неравная битва, начавшаяся с утра, продолжалась до заката солнца. Несмотря на все усилия Аббаса-Мирзы, русский отряд не был побежден. Проявляя беспримерный героизм, он прорвал цепи персидских войск, дошел до Эчмиадзина и спас его от погрома. В этом неравном бою русские войска потеряли около 1150, а персидская армия 3000 человек.

В сражении 17 августа под Ошаканом принимал непосредственное участие и декабрист Лачинов. В своих записках он писал: «Сильно дей-

¹ Музей Грузин, ф. рукописей, д. 372, л. 42.

ствовала артиллерия неприятельская, но битва сия и по всем отношениям может быть причислена к битвам жестоким, особенно взявши во внимание несоразмерность сражающихся сил и положение наше. В один этот день мне удалось видеть все ужасы браней: огнестрельные орудия всякого рода, даже неупотребляемые в Европе, были обращены на нас, но истребление, ими производимое, не могло сравниться с тем, когда на изуренных воинов наших бросились свежие толпы наездников, когда в ручной вступили бой и засверкали в глазах наших кинжалы их и засвистали над головами сабли»¹.

В середине сентября Лачинов уже в рядах войск, осаждающих крепость Сардарабад. «Егерская бригада, — писал он, — в которой состою я, осталась в Эчмиадзине, но я был прикомандирован к батальону Крымского полка и потому имел случай быть при осаде и взятии Сардарабада». Сардарабад был обложен 14 сентября. 18-го началась сильная бомбардировка, рано утром 20-го числа крепость уже была в руках русских войск. О занятии Сардарабада Лачинов рассказывает: «Осада продолжалась деятельно: бомбы приводили жителей в отчаяние; тяжелая артиллерия громила стену; легкая заставляла молчать орудия неприятельские и сбивала защищающих крепость; гарнизон приметно ослабевал духом и, теряя надежду воспрепятствовать действиям нашим, менее оказывал бесполезного упорства; смешанный шум был слышен в крепости во время канонады. Все показывало скорую сдачу, и 19-го вечером сбегавшие через пролом армяне объявили, что Гасан-хан с гарнизоном ушел, а обыватели готовы отворить ворота. В ту же минуту крепость занята, а конница пустилась за бегущими персиянами: много погибло их, много взято в плен, но Гасан-хан с большею частию успел ускользнуть от преследования»².

Лачинов, как и многие другие декабристы, сражался и за Эривань. «С позволения главнокомандующего, — пишет он, — вся наша братия-горемыки (т. е. разжалованные декабристы—М. Н.) были прикомандированы к начальнику траншей для непрерывного нахождения при осадных работах, и потому мне удалось видеть весь ход осады и узнать некоторые подробности».

В своих записках Евдоким Емельянович подробно рассказывает об осаде и взятии крепости Эривань, приводя много интересных данных. О последнем дне осады крепости он пишет: «С 30-го на 1 октября положено венчать гласис. Смерклось; рабочие с турами, фашинами и инструментами пришли ко рву; сильная пальба показала, что нас заметили; в одно мгновение огонь разлился по всем фасадам и осветил окрестности. Персияне думали, что русские идут на приступ и отчаянною защитою намеревались спасти себя от всех ужасов оною, отдалить минуту, в которую разъяренные тщетным упорством их противники насильственно вторгнутся в твердыни, ими обороняемые, и не будет никому пощады. На стенах зажглись пламенники; треск ружей, взрывы пушек смешивались с шумом и воплями обывателей; но как изобразить то время, когда загорелся воздух и застонала земля от действия нашей артиллерии. Взрели орудия и тысячи ружейных залпов заглушались перекатами громов их. Это были адские минуты, и слишком час продолжались они. Мало-помалу крепость начала умолкать, выстрелы были реже и реже, слышнее и слышнее становился шум осажденных. Скоро все стихло, и частые окрики часовых раздались в воздухе. Смолкли и наши батареи и восстано-

¹ М. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, книга первая, Ереван, 1956, стр. 336.

² Музей Грузии, ф. рукописей, д. 372, л. 56.

вился обычный порядок стрельбы: опять можно было разбирать, как быстрое ядро или граната, едва успевши вырваться из жерла, уже врывались в стену и как далеко оставляли они за собою медленную бомбу, прежде их пущенную. Вдали послышался выстрел, другой, третий; в разных местах казачьей цепи загорелась перестрелка. Гасан-хан со своими пробовал и отсюда уйти, но, встречая везде преграды, принужден был возвратиться. Взошло солнце; работы продолжались. В 8 часов показались на стенах сарвазы и обыватели, махали платками, бросались через пролом в ров и, прибежавши к нам, объявили, что жители и один батальон сарвазов сдаются, но остальные два батальона намерены еще держаться. Наши кинулись в брешь, перелезли через стену, взобрались на другую и расставили на оной часовых; несколько рот подведены к воротам на гласисе и разбросали камни, которыми оные были изнутри завалены»¹.

Следует отметить, что в осаде и занятии крепостей Сардарабад и Эривань приняли участие почти все декабристы, находившиеся тогда в составе главного отряда Кавказского корпуса. Дело в том, что командир корпуса генерал Паскевич выразил «желание», чтобы все разжалованные участвовали в покорении этих двух крепостей. «Во время блокады крепостей Сардарабад и Эривань,— писал Паскевич начальнику главного штаба генералу Дибичу,— мною дозволено всем офицерам и разжалованным, желающим изгладить усердною службою прежнее свое поведение, находиться при открытии траншей»². Таким образом, многие разжалованные декабристы специально были прикомандированы к частям, действовавшим против Сардарабада и Эривани. В числе этих волонтеров был и Лачинов.

За активное участие в военных действиях 1827 года и проявленные храбрость и отвагу Евдоким Емельянович получил унтер-офицерское звание³. Осень этого года он провел в Армении. В это время Лачинов служил в штабе войск генерала Красовского. Вместе с этим храбрым генералом, исполнявшим тогда должность начальника Эриванского временного управления, он совершил ряд путешествий по Восточной Армении, о которых подробно рассказывается в его записках.

Михаил Иванович Пущин (1800—1869), младший брат известного декабриста Ивана Ивановича Пущина (1799—1859), накануне восстания декабристов служил в лейб-гвардии Военно-пионерном эскадроне в чине капитана. Был арестован 15 декабря, т. е. через день после восстания на Сенатской площади. Обвинялся он в том, что, зная о подготовке восстания, не донес об этом правительству. В июле 1826 года Пущин был приговорен к лишению чинов и дворянства и к отдаче в солдаты до выслуги⁴. Его сослали в Красноярский гарнизонный батальон, но вскоре, в связи с вспыхнувшей русско-персидской войной, было решено его и некоторых других перевести в Отдельный Кавказский корпус. В конце 1826 года рядовой «злоумышленник» отправился из Сибири на Кавказ.

В феврале 1827 года М. И. Пущин прибыл в Тифлис и был зачислен в 8-й Пионерный (саперный) батальон⁵. До начала военной кампании 1827 года ему было поручено проводить с саперами практические занятия, что он и выполнял с успехом. В апреле 70 саперов из этого батальона под начальством Пущина, в составе авангарда главных сил

¹ Музей Грузии, ф. рукописей, д. 372, л. 62.

² Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИАГ), ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 8).

³ См. ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 13, л. 3.

⁴ См. ЦГИАГ, ф. 1052, оп. 1, д. 137, л. 25.

⁵ См. ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 125, л. 170.

Кавказского корпуса, вступили в Эриванское ханство. Вместе с другими частями авангарда они участвовали во всех военных действиях, происходивших в апреле-июне в районах Эчмиадзина, Эривани и Сардарабада. Говоря о некоторых стычках с неприятелем, имевших место в середине апреля, Пущин рассказывает: «Стоя около Эривани лагерем, мы предпринимали частые экспедиции по окрестностям, сделали одно ночное движение к кр. Сардарабад. Встревоженный гарнизон крепости открыл по нас сильный огонь, совершенно безвредный; но одна граната с потерянной трубкою, пролетев между мною и Бенкендорфом, осыпала нас пороховой мякотью. Это был первый неприятельский порох, который я, так сказать, понюхал. Бенкендорф послал коменданту предложение о сдаче крепости, на что конечно комендант отвечал одними усиленными выстрелами»¹.

М. И. Пущин занимался главным образом вопросами, связанными с осадой Эривани. Он собрал «нужные сведения и приготовил все материалы» для осады крепости. «Расположив пионеров в эриванских садах,— записывает Пущин,— я сек виноградные лозы, вязал фашины, плел туры, рубил колья и приготовил все материалы к предстоящей осаде, снял подробный план местности и укреплений эриванских. Часто в персидском одеянии ходил я по вечерам в крепость».

Как известно, русские войска временно оставили Эривань, и Пущин вместе со своим батальоном оказался под крепостью Аббасабад, осада которой началась в первых числах июля. По приказу Паскевича, Пущин принимал деятельное участие в составлении плана осады и в организации инженерно-саперных работ русских войск. Под его непосредственным руководством был построен плавучий мост через реку Аракс. 7 июля крепость Аббасабад была занята русскими войсками.

В середине сентября 1827 года Паскевич приступил к осаде крепости Сардарабад. Трудности были большие, враг был подготовлен. «Крепость Сардарабад,— пишет В. Потто,— построенная эриванским ханом лет десять-двенадцать перед тем, стояла на обширной равнине, расстилавшейся от Эчмиадзина к стороне Алагеза. Двойные высокие стены ее, расположенные правильным четырехугольником, с огромными башнями и воротами, придавали ей вид весьма внушительный и требовали сил и искусства для овладения ею. Правда, двухтысячный гарнизон ее находился под командою внука Гасан-хана, молодого челсвска, совершенно неопытного, и на это обстоятельство возлагались немалые надежды Паскевича. Но надежды эти, конечно, были весьма призрачными и, подходя к Сардарабаду, Паскевич, действительно, узнал, что ночью пробрался туда и принял начальство над гарнизоном сам Гасан-хан»².

Начальником осадного отряда был назначен генерал Красовский. К осадным работам был привлечен М. И. Пущин, способности и опыт которого были известны всем. И разжалованный в солдаты декабрист развернул здесь энергичную деятельность. Вспоминая эти дни под Сардарабадом, Пущин писал: «На другой день нашего прибытия к Сардарабаду Пионерный батальон был командирован за 15 верст от крепости в виноградники для заготовления туров и фашин. Только что я, находясь при батальоне, успел там расположиться, казак от Паскевича прискакал за мною с приказанием немедленно к нему явиться, а батальону на другой день присоединиться к отряду. Явившись к Паскевичу, я от него узнал, что после рекогносцировки крепости назначено было выстроить мортирную батарею для действия навесными выстрелами в крепость; по-

¹ «Записки М. И. Пущина», см. «Русский архив», Москва, 1908, № 12, стр. 509.

² В. Потто, Кавказская война..., т. 3, СПб, 1886, стр. 494-495.

ручено это Философову, который выстроил батарею так далеко от крепости, что бомбы до нее не долетали. Паскевич выразил мне, что он видит, что без моего содействия в осадных работах не будет никакого толка и поручил мне осмотреть крепость, для чего в прикрытие предложил взять сколько хочу войска»¹.

Далее, говоря о штурме крепости, Пущин продолжает: «Засветло я с некоторыми пионерами пошел к крепости и до прибытия рабочего отряда и прикрытия отчетливо, на знакомом мне месте, разбил все части батареи. К рассвету батарея начала громить крепость, и в то же утро можно было штурмовать, чем мы сейчас воспользовались, и вслед за начальником штаба Сакеном, который первый вошел в одну из защищаемых башен, вошла штурмовая колонна в крепость. Защита была слабая, и в то время, как мы входили с переднего фаса, гарнизон крепости уходил из нее с заднего фаса; но очень мало кому удалось укрыться от преследования кавалерии и казаков. Час после атаки крепость взята со всем гарнизоном, часть которого облеклась в белые рубахи с целью защищаться на смерть, до последней капли крови, но не устояла в своей, по-видимому, не очень твердой решимости»².

После Сардарабада наступила очередь крепости Эривань, которую многие тогда считали неприступной. «По-прежнему стояла она (крепость Эривань—М. Н.) на крутом, утесистом берегу быстрой Занги, по-прежнему ее высокие, гордые твердыни, ее бастионы и башни грозно смотрели из-за глубоких, наполненных водою рвов, недоступных для эскалады»³.

Нужно было занять Эривань—город, имевший большое военно-стратегическое значение. 23 сентября русские войска уже стояли на берегу Занги. Началась осада, начались грозная канонада, сражения, атаки. Пущин и его друзья декабристы развернули и здесь кипучую, героическую деятельность. Паскевич был вынужден часто совещаться с Пущиным и поручать ему важные, ответственные задания. «...Мы поспешили к Эривани,—читаем мы в «Записках» Пущина,—куда прибыли 23 сентября, и на другой день, под распоряжением прибывшего из Тифлиса генерала Трузсона, начались осадные работы по моему предложению со второй параллели. Работа шла быстро, особенно на левом фланге работ под моим распоряжением. При начале работ Паскевич спросил меня, как думаю я, долго может продлиться осада; я ему тогда предсказал, что в Покров день пскроем крепость. С сентября 30-го, когда мы устраивали третью параллель, под вечер меня с левого фланга позвали к Паскевичу... Паскевич, сердившийся за что-то на Трузсона, отдавал ему какие-то приказания. Паскевич встретил меня вопросом, можно ли сегодня короновать гласис. «Почему не можно, если вы это желаете,—отвечал я,—вам стоит только отдать на это приказание». Трузсон на это возразил: «Я люблю бытень видеть, как вы это приведете в исполнение». — «Он вам покажет, как», сказал Паскевич и приказал мне сейчас же сделать все приготовления к коронованию гласиса»⁴.

Задача была трудная и ответственная, но Пущин решил ее с большим умением и храбростью.

Пущин сыграл большую роль в деле взятия Эривани русскими войсками. Об этом хорошо знали многие его друзья, сослуживцы и современники. А. С. Гангеблов, один из сосланных на Кавказ декабристов, говоря о роли Пущина при взятии Эривани и других городов, писал: «Он (Пу-

¹ «Русский архив», 1903, № 12, стр. 512.

² Там же, стр. 513.

³ В. Потто, Кавказская война... т. 3, стр. 504.

⁴ «Русский архив», 1908, № 12, стр. 516.

щин—М. Н.) руководил и мелкими и крупными работами, от вязания фашин и туров, от работ киркой и лопатой до устройства переправ и мостов, до трассировки и возведения укреплений, до ведения апрошей и, кроме того, исполнял множество важных поручений. Он же, в той же солдатской шинели, присутствовал на военных советах у главнокомандующего, где его мнения почти всегда одерживали верх (о чем мне известно было через Вольховского и Ушакова). Этот человек как бы имел дар одновременно являться в разных местах»¹.

Боевые подвиги Пущина было вынуждено отметить и начальство, которое несколько раз представляло его к награде. Но мстительный царь всегда отклонял эти представления и согласился в связи с взятием Эривани произвести Пущина лишь в унтер-офицеры. В марте 1828 года он получил чин прапорщика².

Корнет кавалергардского полка Николай Николаевич Депрерадович (1802—1884) состоял членом Южного Общества. Вскоре после ареста, приказом царя от 27 марта 1826 года, Депрерадович был переведен на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Участвовал в крупном сражении русских войск с армией наследника персидского престола Аббаса-Мирзы 13 сентября 1826 года под городом Гянджой. О его мужестве, проявленном в этом сражении, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Ермолов донес царю в рапорте от 11 ноября 1826 года. В октябре-ноябре Николай Николаевич участвовал в экспедиции за рекою Аракс. В январе 1827 года он был произведен в поручики.

В 1827 году, находясь в составе главных сил Кавказского корпуса, Депрерадович участвовал во многих битвах с персидскими войсками. Так, в начале июля он храбро сражался под Джеван-Булахом, за что был награжден орденом св. Анны 4-й степени. Вместе с русскими солдатами и армянскими, грузинскими и азербайджанскими ополченцами он с отвагой атаковал крепости Сардарабад и Эривань. Командир Нижегородского драгунского полка Н. Н. Раевский писал о Депрерадовиче: «При осаде крепостей Сардарабад и Эривань, во всех сих случаях, вел себя отличною храбростью»³.

О мужестве и активном участии Депрерадовича в военных действиях, происходивших в Армении и Азербайджане, писал и сам генерал Паскевич. В рапорте на имя Николая I от 30 ноября 1827 года он отмечал, что поручик Депрерадович в делах против неприятеля показал себя неустрашимым⁴. Приказом Николая I от 12 мая 1828 года Депрерадович был переведен в Санктпетербургский уланский полк.

Член Северного Общества Александр Семенович Гангеблов (род. в 1801 г.) накануне восстания 14 декабря состоял поручиком лейб-гвардии Измайловского полка. Был арестован и заключен в Петропавловскую крепость 23—24 декабря. В официальных документах о нем сказано: «Вступил в Северное общество в 1825 году. Знал, что цель оного состояла в введении республиканского правления. Слышал, что нашелся уже один молодец, который хотел покуситься на жизнь покойного государя императора (Александра I—М. Н.), но не допустили его потому, что еще рано... Во время происшествия находился в Петергофе, где расположен батальон Измайловского полка»⁵.

¹ „Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова“, Москва, 1888, стр. 160.

² См. ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 125, л. 172.

³ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 340.

⁴ См. ЦГВИА, ф. 39, д. 22, л. 148.

⁵ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 142, л. 1.

Приказом Николая I от 7 июля 1826 года Гангеблов «за прикосновение к злоумышленным обществам» был переведен во Владикавказский гарнизонный полк с тем, чтобы «ежемесячно доносить о поведении». Примерно через год, точнее 5 июля 1827 года, его прикомандировали к Кабардинскому пехотному полку «для употребления против персиян»¹. В составе этого полка Гангеблов прибыл в Эривань в сентябре 1827 года, когда генерал Паскевич после взятия Сардарабада готовился к осаде этой крепости. Вместе со многими декабристами он стойко сражался в боях при осаде и взятии Эривани. В своих воспоминаниях Гангеблов, говоря об осаде Эриванской крепости, пишет: «...когда началась осада, и я услышал, что все декабристы собраны в траншеи, я обратился с просьбой к генер. Красовскому перевести и меня туда же. Красовский велел своему адъютанту меня отвести к начальнику траншей, полк. Гурко... Когда совсем стемнело, Гурко, отправляясь в обход крепости, взял меня с собою и дополнил мое вооружение одним из пары своих кухнерейтеров. Ночь была темная; мы вдвоем шли в таком от крепости расстоянии, что при осторожности с нашей стороны оттуда нас не могли ни слышать, ни видеть; но нам иногда слышен был говор внутри крепости»².

Далее, описывая взятие Эривани, Гангеблов рассказывает: «Дня через два после почти непрерывной канонады стало заметно, что в крепости происходило что-то необычайное, и тревога все росла и росла, а вскоре на одной из башен показались поднятые вверх белые флаги. С тем вместе к крепостной стене с этой стороны двинулся Сводный гвардейский полк, а против другой ее стороны, из форштата, показался Красовский в голове своего отряда... Я присоединился к свите Красовского, в то время как он давал приказания аудитору Белову, знавшему местный язык, чтоб он подошел к самым воротам и сказал им, что ежели они заставят самих нас разбить ворота, то им лошады не будет. С Беловым пошел я и еще какой-то офицер в качестве ассистентов. Поды ворот не вполюгь были притворены. Едва Белов приложил лоб к этой щели и произнес два-три слова, как оттуда раздался выстрел, и Белов повалился, брызнув меня в лицо своим мозгом. «Что там такое?»—тревожно спросил генерал, когда мы, ассистенты, к нему выбежали. Когда я сказал, что Белов убит, поставлено было орудие, чтоб разбить ворота; но прежде чем выстрел последовал, ворота растворились. Красовский, окидывая нас взглядом, у меня спросил: «Вы здесь зачем?» Я объяснил, что прислан от начальника траншей. «Кстати», сказал он: «вот вам два телохранителя, идите в ворота и продолжайте идти, а за вами пойдем и мы». С двумя гренадерами, «ружья наперевес», мы очутились среди невообразимого смятения: оглушительный вопль, шальная беготня, драка между собою, визг женщин... Когда мы отошли от ворот шагов на полтораста, из ворот показался Красовский с отрядом. Таким образом Эривань была взята с этой стороны»³.

После занятия Эривани Гангеблов вместе со своим полком принимал участие во взятии ряда городов Иранского Азербайджана, в том числе города Урмия, где он провел примерно два месяца. В начале 1828 года он вернулся в Эривань и был назначен помощником коменданта местной крепости полковника Кошкарева, который, как передает Гангеблов, пострадал «по бунту Семеновского полка». Приказом Паскевича от 19 марта 1828 года Гангеблов был назначен «для исправления долж-

¹ ЦГНАГ, ф. 1052, д. 137, л. 66.

² «Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова», стр. 143—144.

³ Там же, стр. 144—146.

ности при Эриванском областном правлении»¹. Эту должность он занимал до середины мая. К сожалению, мы не знаем, какую работу исполнял он в Эриванском областном правлении. В своих воспоминаниях Гангблов об этом ничего не говорит.

Николай Николаевич Семичев в 1825 году служил ротмистром в Ахтырском гусарском полку. Он был одним из активных участников Отечественной войны 1812 года, причем под Бородиным был тяжело ранен пулей в грудь. Семичева арестовали в декабре 1825 года и по приказу царя заключили в Петропавловскую крепость сроком на шесть месяцев. В июле 1826 года его перевели на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк капитаном².

Находясь в составе главного отряда, командиром которого являлся сам генерал Паскевич, Семичев принимал непосредственное участие почти во всех боях 1827 года. Из его формулярного списка видно, что он в мае находился в селении Шулаверы, в июне — в Эчмиадзине и Нахичевани, в начале июля — под Аббасабадом, в августе — в Карабабе, в сентябре и октябре — в Сардарабаде, Эривани и Тавризе. Семичев с 14 сентября 1827 года находился «в следовании до крепости Сардарабад и обложении оной с того же числа по 20-е при действительной осаде, взятии и преследовании гарнизона сей крепости, 22-го в походе к Эривани, с 24 сентября по 1 октября при действительной осаде и покорении сей важной крепости со всем находившимся в ней гарнизоном, причем взят в плен Гасан-хан сардар и многие другие чины и чиновники, и за оказанные при осаде оной отличия получил высочайшее благоволение; с 7 по 19 октября в походе от Эривани в город Тавриз»³.

Начальник 2-й уланской дивизии генерал-майор барон Розен в своем рапорте от 11 января 1828 года писал Паскевичу: «Командир Нижегородского драгунского полка полковник Раевский 3-й представляет мне, что вверенного ему полка переведенный из Ахтырского гусарского капитан Семичев, прикосновенный к делу злоумышленного тайного общества, за оказанную им отличную храбрость в сражении под Джеван-Булахом, несмотря на тяжелую рану, полученную им в 1812 году при сел. Бородине, заслужил высочайшее благоволение; после того по разрешению вашего высокопревосходительства будучи прикомандирован к войскам, осаждавшим Эривань, заслужил от командира Сводного полка полковника Шипова блестящий отзыв непоколебимой неустрашимости и неусыпной деятельности»⁴. Тот же генерал Розен в другом своем отношении писал о Семичеве: «При осаде Эривани, находясь волонтером, он заслужил особенное внимание начальства и в продолжение всего похода служил во всех отношениях примером всему полку»⁵.

Полковник Н. Н. Раевский, будучи непосредственным начальником Семичева, высоко оценивал его мужество и способности. О капитане Семичеве Раевский сообщал: «Был в сражении противу персиян при урочище Джеван-Булах 5 июля 1827 года, за оказанном в оном отличие и храбрость получил высочайшее благоволение. При осаде крепости Сардарабад и Эривань во всех сих случаях вел себя с отличной храбростью»⁶.

В начале января 1828 года Раевский просил у начальства разрешения о назначении Семичева командиром эскадрона. Эта просьба была

¹ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 386.

² См. ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 169, л. 2.

³ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 461.

⁴ Там же, л. 101—102.

⁵ Там же, л. 104.

⁶ Там же, л. 340.

удовлетворена лишь в мае 1829 года. До этого он был произведен в майоры.

Петр Петрович Коновницын (1802—1830) накануне 14 декабря был подпоручиком Гвардейского генерального штаба; член Северного Общества, участвовал в восстании на Сенатской площади. После ареста был в заключении в Кронштадте и Петропавловской крепости. По решению Верховного уголовного суда был приговорен «к лишению чинов и дворянства и написанию в рядовые, с определением в дальние гарнизоны»¹. Вначале его отправили в Семипалатинский гарнизонный батальон, а затем царским указом от 22 августа 1826 года был переведен в полевые полки Кавказского корпуса.

В конце 1826 года П. Коновницын отправился на Кавказ. В феврале 1827 года он прибыл в Тифлис и был определен в 8-й Пионерный батальон, впоследствии переименованный в Кавказский саперный батальон. В апреле-июне 1827 года в составе войск авангарда главных сил Кавказского корпуса Коновницын участвовал в стычках с персидскими войсками под Эчмиадзином, Сардарабадом и Эриванью. В начале июля вместе со своим батальоном он сражался под крепостью Аббасабад.

Коновницын принимал активное участие в освобождении Сардарабада и Эривани от тяжкого гнета персидских ханов. В горячих боях, развернувшихся за эти две крепости, он показал замечательный пример храбрости и отваги. Об участии П. Коновницына и его товарищей в боях за Сардарабад и Эривань генерал Паскевич рапортовал: «...Дорохов, Коновницын, Пущин исполняли свой долг с похвальной ревностью, поощряя прочих нижних чинов своим примером. При короновании рва под Эриванью они также находились на работах, производимых под начальством г.-м. Трузсона... Разжалованный за дуэль Дорохов был в сем случае ранен пулею в грудь, одежда Коновницына прострелена тремя пулями»². В марте 1828 года Коновницын был произведен в прапорщики.

Член Северного Общества, лейтенант Гвардейского экипажа Федор Гаврилович Вишневецкий был разжалован в солдаты с определением в «дальние гарнизоны». В феврале 1827 года его перевели на Кавказ, где он в составе главного отряда Кавказского корпуса принял деятельное участие в боях за Восточную Армению. В формулярном списке Вишневецкого сказано, что 14 апреля 1827 года он находился «в деле противу персидской конницы у деревни Верхний Айналану; 16-го—в перестрелке с куртинскою конницею под монастырем Эчмиадзинским, того же числа при канонаде против крепости Сардарабад; 24-го в деле против многочисленной конницы, предводимой Гасан-ханом... и части гарнизона Эриванского под пушечными выстрелами со стен сей крепости при занятии 25-го Ираклиевой горы, 26-го северного Эриванского форштата; с того же времени по 15 июня при блокаде крепости Эривань»³.

Далее Вишневецкий находился в рядах войск, которые заняли город Нахичевань и крепость Аббасабад. В сентябре он опять под Сардарабадом, за взятие которого был награжден военным орденом. 14 сентября Вишневецкий находился «в следовании до крепости Сардарабад и обложении оной, с того же числа по 20-е при действительной осаде и взятии и преследовании гарнизона сей крепости; за отличие в сем сражении награжден знаком отличия военного ордена св. Георгия»⁴.

¹ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 121, л. 1.

² «Русская старина», т. 114, стр. 485.

³ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 128, л. 18.

⁴ Там же, л. 19.

Вишнеvский—один из боевых участников осады и взятия Эривани. В его формулярном списке отмечено, что 22 сентября 1827 года он находился «в походе к Эривани. С 24 сентября по 1 октября при действительной осаде и покорении сей важной крепости со всем находившимся в ней гарнизоном, причем взят в плен Гасан-хан... и прочие другие ханы и чиновники; за отличие в сем сражении по высочайшему повелению произведен в унтер-офицеры»¹.

В конце 1827 и начале 1828 годов Вишнеvский участвовал в походе русских войск на Иранский Азербайджан.

Петр Александрович Бестужев (1803—1840) был членом Северного Общества. В 1825 году он служил мичманом 27-го флотского экипажа. В известном «Алфавите» декабристов о нем сказано: «Принят в Северное Общество в 1825 году. Знал цель оногo — введение конституции. Сам принял одного члена. По утру 14 декабря был послан в Гвардейский экипаж, с которым вышел на площадь и кричал «ура»².

По приговору Верховного уголовного суда П. Бестужев в июле 1826 года был осужден к лишению чинов «и написанию в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны без лишения дворянства». Указом Николая I от 22 августа он был назначен в полевые полки Кавказского корпуса. С февраля 1827 года он уже служил в Ширванском пехотном полку.

В апреле 1827 года, когда авангард главных сил действующего Кавказского корпуса вступил в Эриванское ханство, Бестужев со своим полком принимал участие почти во всех его боевых действиях. Петр Александрович участвовал, например, в занятии Эчмиадзина (13 апреля), во многих стычках с персидскими войсками под Сардарабатом, в блокаде крепости Эривань, продолжавшейся с апреля по июнь. Бестужев находился также в рядах тех русских войск, которые в конце июня заняли город Нахичевань, а в начале июля — крепость Аббасабад.

В сентябре 1827 года под крепостями Сардарабат и Эривань происходили неоднократные штурмы и кровопролитные бои. Преодолевая все преграды и затруднения, русские войска 20 сентября покорили Сардарабат, а 1 октября — Эривань. Вместе с многими своими друзьями-декабристами Петр Бестужев сражался в этих исторических боях, внося свою скромную лепту в дело присоединения Восточной Армении к России. В последующие месяцы Петр Александрович участвовал в походах русских войск на Иранский Азербайджан.

Разжалованный и сосланный на Кавказ декабрист П. Бестужев, будучи рядовым известного Ширванского пехотного полка, бился храбро и с большой отвагой. 21 мая 1828 года он был произведен в унтер-офицеры³. По этому поводу брат Петра, знаменитый русский писатель Александр Бестужев-Марлинский, в письме от 14 декабря 1828 года к старшим братьям Николаю и Михаилу писал, что Петр «после славных боев с персиянами, после тысячи болезней и тысячи нападений, произведен в унтер-офицеры своего Ширванского, считающегося храбрейшим из храбрых»⁴.

Владимир Дмитриевич Вольховский (Вальховский, 1798—1841) учился в Московском университетском Благородном пансионе. В

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 128, л. 19.

² ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 126, л. 9.

³ См. там же.

⁴ „Русский вестник“, т. 87, Москва, 1870, стр. 247.

1811 году поступил в Царскосельский лицей, где и сблизился с А. С. Пушкиным. По окончании лицея он служил прапорщиком в Гвардейском генеральном штабе.

В 1817 году Вольховский был принят в Союз Спасения, а в 1818 году — в Союз Благоденствия¹. В 1825 году Вольховский служил в чине капитана в Гвардейском генеральном штабе. За причастность к движению декабристов в сентябре 1826 года он был отправлен на Кавказ в распоряжение генерала Паскевича, в то время командовавшего отрядом русских войск, воевавших против вторгнувшейся в Закавказье персидской армии.

Вольховский прибыл в Тифлис и был определен квартирмейстерским офицером в штаб Паскевича. В конце октября 1827 года отряд генерала Паскевича, с целью преследования армии Аббаса-Мирзы, перешел Аракс и имел стычки с отступающим неприятелем. В этой экспедиции принимал участие и Вольховский.

С марта 1827 года, когда генерал Паскевич был назначен главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом, Вольховский, состоя при Паскевиче, выполнял важные и ответственные задания.

Капитан Вольховский особенно отличился при осаде крепости Сардабад. Об этом в официальных материалах сказано: «Перед началом осады обзирал с виду неприятеля крепость, потом неоднократно употребляем был в траншеях, где исполнял все поручения с отличным рвением и храбростью»². За все это Вольховский был представлен к ордену Анны 2-й степени, но получил всего лишь «высочайшее благоволение». Вольховский принимал деятельное участие также в осаде и взятии крепости Эривань. Одновременно он выполнял задание Паскевича по описанию театра военных действий, по собиранию статистических и иных сведений о местных народах и т. д.

В начале декабря 1827 года, когда между русским командованием и персидским правительством уже велись переговоры об окончании войны, Вольховский по поручению Паскевича прибыл в Тегеран и изложил шахскому правительству условия, выдвинутые царским правительством для заключения мирного договора. Вольховский с успехом выполнил задания, возложенные на него. Паскевич был доволен его деятельностью. В предписании Паскевича от 11 января 1828 года, посланном в Тегеран на имя Вольховского, было между прочим сказано: «Вашими донесениями я очень доволен, и прошу вас все достойное внимания касательно дорог, положения края, духа народного не упускать из виду с известною мне вашею наблюдательностью»³. За отличие в русско-персидской войне Вольховский получил чин полковника.

Из декабристов и «прикосновенных» лиц, принимавших активное участие в боях за Восточную Армению, нужно отметить также И. Бурцова, П. Лемана, А. Миклашевского, А. Ринкевича, Н. Шереметева, М. Малютина, Н. Оржицкого, В. Сухорукова, А. Ваденяпина, Б. Бодиско, Н. Акулова, П. Цебрикова.

Иван Григорьевич Бурцов (1794—1829) был одним из деятельных членов Союза Спасения и Союза Благоденствия. В 1825 году, имея чин полковника, он командовал Украинским пехотным полком. В связи с восстанием декабристов был арестован и заключен в Петропавловскую

¹ См. *М. Печкина*, Движение декабристов, т. I, стр. 167.

² ЦГИАГ, ф. 10², л. 48, л. 6.

³ „Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею“ (АКАК), т. VII, стр. 587.

крепость. После следствия Бурцов по приказу Николая I от 18 марта 1826 года еще на шесть месяцев был заключен в Бобруйскую крепость, а затем отправлен на службу в Колыванский пехотный полк¹. В январе 1827 года его перевели на Кавказ, сперва в Тифлисский полк, а потом, с ноября того же года, в Мингрельский пехотный полк.

Летом и осенью 1827 года Бурцов принимал участие в русско-персидской войне, развернувшейся в Армении и Азербайджане. 14 июня 1827 года генерал-майор Мерлин из Аббасабада рапортовал в Управление штаба Кавказского корпуса, что «Бурцов ведет себя отлично хорошо, выполняя службу с особенным усердием и расторопностью»². Бурцов нередко выполнял и специальные задания высшего начальства. Так, например, в сентябре 1827 года командующий Кавказским корпусом генерал Паскевич «послал полковника Тифлисского полка Бурцова в Баку и Астрахань, поручив ему подробно исследовать все имеющиеся средства для десанта на персидские берега»³.

В своих донесениях на имя Николая I Паскевич в числе офицеров, отличившихся в персидской кампании, не раз упоминает и Бурцова. Так, 30 ноября 1827 года Паскевич из Персии рапортовал царю, что многие «злоумышленники», в том числе и полковник Бурцов, «службу исполняют с усердием..., в делах против неприятеля оказали себя неустрашимыми»⁴. В одной из реляций сказано, что Бурцов «в персидскую войну 1827 г. был употребляем в самых важных местах»⁵.

Павел Михайлович Леман (род. в 1797 г.) состоял членом Южного Общества. Был арестован в январе 1826 года. В начале июля того же года его перевели в Томский пехотный полк, а в конце января 1827 года — в Мингрельский пехотный полк, находившийся в то время в Закавказье.

Вместе со своей воинской частью П. М. Леман в 1827 году побывал в Армении и принимал участие в русско-персидской войне. В конце августа 1827 года два батальона Мингрельского пехотного полка под командованием полковника Лемана были переброшены из окрестностей крепости Цалки в Гюмри, где ожидалось нападение со стороны персидских войск. В начале сентября здесь произошел ряд боев, в которых отличился и полковник Леман. Тифлисский военный губернатор генерал-адъютант Сипягин в рапорте на имя начальника главного штаба И. Дибича 28 сентября 1827 года писал: «Переведенный из Томского в Мингрельский пехотный полк полковник Леман ведет себя весьма хорошо и службу исполняет с отличным усердием, а 4-го числа сего месяца (т. е. сентября — М. Н.), быв в делах против персиян при селении Гюмрах, оказал неустрашимость»⁶.

Александр Михайлович Миклашевский (1796—1831) вступил в «тайное общество» декабристов в 1821 году. Был арестован в январе 1826 г. и после шестимесячного заключения в Петропавловской крепости переведен в Отдельный Кавказский корпус. Подполковник Миклашевский уже в июле 1826 года служил в 42-м егерском полку и вместе с ним принял участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг.

В конце июля 1826 года вторгнувшаяся в Закавказье 60-тысячная персидская армия под командованием наследника престола Аббаса-

¹ См. ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 207, л. 2.

² ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 193.

³ Кн. *Шербатов*, Ген.-фельдмаршал кн. Паскевич, т. 3, стр. 43—44.

⁴ ЦГВИА, ф. 39, д. 22, л. 148.

⁵ Архив Раевских, т. I, стр. 405—406.

⁶ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 272.

Мирзы блокировала крепость Шушу. Малочисленный русский отряд и местные добровольцы храбро защищались и, несмотря на большие трудности, устояли перед грозным врагом. Во время этой тяжелой осады своим героизмом отличились многие воины и ополченцы. В числе их находился также храбрый подполковник Миклашевский.

В сентябре 1826 года Миклашевский участвовал в экспедиции на Казахскую и Шамшадильскую дистанции, предпринятой генералом Ермоловым с целью предупредить агрессивные действия эриванского хана. В конце октября, находясь в составе отряда генерала Паскевича, он совершил поход за Аракс. В начале января 1827 года Миклашевский — снова на берегах Аракса. На этот раз он был в отряде генерала Мадатова.

В апреле 1827 года отряд русских войск под командованием генерала Мадатова вел бои с неприятелем на берегу Аракса у Худаперинского моста. Чтобы занять мост и переправить войска на правый берег реки, Миклашевский, по приказу Мадатова, 19 апреля напал на персидский отряд и «под огнем неприятеля занял позицию в 80 шагах от моста». Далее подполковник Миклашевский «бросился со своими егерями к мосту и внезапным нападением овладел башней»¹.

Летом и осенью 1827 года Миклашевский участвует в боях в Восточной Армении и Азербайджане. В ноябре 1827 года генерал Паскевич рапортовал царю о том, что многие декабристы и «прикосновенные», в числе которых и подполковник Миклашевский, «в делах против неприятеля показали себя неустрашимыми»². В конце 1827 и начале 1828 гг. Миклашевский участвует в походе на Иранский Азербайджан.

Корнет лейб-гвардии конного полка Александр Ефимович Ринкевич (1802—1829) был членом Северного Общества. После ареста и заключения в Петропавловской крепости его по приказу царя от 7 июля 1826 года перевели в Бакинский гарнизонный батальон прапорщиком, установив за ним тайный надзор. В марте 1827 года Ринкевич по приказу царя был прикомандирован на время военных действий в Ширванский пехотный полк «с тем, что если будет отличать себя по службе, то представить о настоящем переводе его в оный»³. Ширванский полк уже в апреле вместе с другими частями авангарда главных сил Кавказского корпуса двинулся в Эриванское ханство. Александр Ефимович принял активное участие в стычках с неприятелем под Эчмиадзином, Сардарабадом и в блокаде крепости Эривань, начатой генерал-адъютантом Бенкендорфом в апреле. Впоследствии этот генерал в своем рапорте от 28 июня 1827 года на имя генерала Паскевича писал, что прапорщик Ринкевич «участвовал в делах бывшего при блокаде крепости Эриванской и показывал примерное хладнокровие против неприятеля»⁴.

Летом 1827 года Ринкевич участвовал в занятии Нахичевани и Аббасабада. 31 августа командир Ширванского полка из лагеря близ реки Арпачай писал генералу Паскевичу, что прапорщик Ринкевич «ведет себя отлично хорошо, ревностно занимается службою и в делах противу неприятеля неустрашим»⁵.

¹ „Утверждение русского владычества на Кавказе“, т. IV, ч. I, Тифлис, 1908, стр. 224.

² ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 230.

³ Там же, л. 28.

⁴ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 222, л. 18.

⁵ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 224.

Ринкевич отличился и в тех боях, которые развернулись за Сардарабад и Эривань в сентябре и в начале октября 1827 года. Именно в связи с этими событиями Паскевич в своем рапорте от 29 октября 1827 года доносил царю, что «прапорщик Ринкевич в делах против неприятеля оказал себя неустрашимым»¹. За участие в персидской кампании 1827—1828 гг. он был произведен в подпоручики.

Во время похода русских войск на Иранский Азербайджан Ринкевич побывал в Тавризе. Приказом Николая I от 21 июня 1828 года он был переведен в Куринский полк.

Член Северного Общества, подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Николай Васильевич Шереметев (1804—1849) после ареста и заключения в Кронштадской крепости по приказу Николая I от 27 марта 1826 года был переведен на Кавказ, в 43-й егерский полк. В начале 1827 года его перевели в Ширванский пехотный полк, а в мае того же года прикомандировали к лейб-гвардии Сводному полку². В составе этого полка Шереметев летом и осенью 1827 года принимал активное участие в боях за Аббасабад, Сардарабад, Эривань и ряд городов Южного Азербайджана. В своем рапорте Николаю I от 30 ноября 1827 года командующий Кавказским корпусом генерал Паскевич доносил, что подпоручик Шереметев в делах против неприятеля проявил неустрашимость³. За участие в кампании 1827 года он был произведен в поручики. В начале июля 1828 года вместе с лейб-гвардии Сводным полком Шереметев покинул Кавказ и вышел в отставку в декабре 1832 года.

Михаил Петрович Малютин в 1825 году служил в лейб-гвардии Измайловском полку подпоручиком. Был арестован как прикосновенный к делу декабристов. Приказом царя от 7 июля 1826 года его перевели на Кавказ, в Севастопольский пехотный полк. Принимал участие в сражении под деревней Ошакан 17 августа 1827 года, в осаде и занятии крепостей Сардарабад и Эривань. После окончания русско-персидской войны Малютин остался служить в Армянской области. Командир Севастопольского пехотного полка полковник Вейде в своем рапорте от 27 июля 1828 года писал из крепости Сардарабад Паскевичу: «...вверенного мне полка подпоручик Малютин, бывший прикосновенный к делу о злоумышленных обществах, находится в откомандировке по воле начальства с 4 апреля сего года при Эриванском комитете для переселения армян»⁴. Малютин еще несколько лет служил на Кавказе и в 1842 году вышел в отставку.

Отставного штаб-ротмистра Николая Николаевича Оржицкого (1796—1861) арестовали и заключили в Петропавловскую крепость 23 декабря 1825 года. Обвинялся он в том, что знал о существовании тайного общества и его целях, но не сообщил об этом правительству. Верховным уголовным судом Оржицкий был отнесен к IX разряду «государственных преступников», приговорен к лишению чинов и дворянства и разжалованию в солдаты. Вначале Оржицкого отправили в Кизлярский гарнизонный батальон, а затем, в январе 1827 года, в Нижегородский драгунский полк. Принимал активное участие в военных событиях 1827 года и, в частности, в сражении под Джеван-Булахом, в осаде и занятии крепостей Сардарабад и Эривань. За «отличную

¹ ЦГВИА, ф. 39, д. 22, л. 77.

² См. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 75.

³ См. ЦГВИА, ф. 39, д. 22, л. 148.

⁴ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 411.

храбрость», проявленную им в кампании 1827 года, Оржицкий был произведен в унтер-офицеры, а затем в прапорщики¹.

Поручик лейб-гвардии казачьего полка, историк и журналист Василий Дмитриевич Сухоруков (1795—1841) фигурирует в официальных документах как причастный к движению декабристов. В июле 1826 года царь Николай I приказал «оставить его на Дону, не отправляя в лейб-гвардии казачий полк, иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении»². Приказом военного министра от 28 мая 1827 года Сухоруков был отправлен в Отдельный Кавказский корпус, где его определили в «Донской казачий полковника Карпова полк». Сухоруков принял участие в осаде и взятии крепостей Сардарабад и Эривань и в военных действиях, имевших место в конце 1827 и начале 1828 гг.

Александр Васильевич Веденяпин (1803—1847) был членом Общества Соединенных Славян, в 1825 году служил прапорщиком в 9-й артиллерийской бригаде. После ареста был разжалован в солдаты и в июле 1826 г. отправлен в Верхнеуральский гарнизонный батальон, а в январе 1827 года—на Кавказ, в 42-й егерский полк³. Принимал активное участие в боевых действиях, развернувшихся в Армении и Азербайджане.

Лейтенант Гвардейского экипажа Борис Андреевич Бодиско (1800—1828) за участие в восстании 14 декабря был арестован, разжалован в матросы и отправлен во Владикавказ, а затем определен в Тифлисский пехотный полк рядовым. Принимал участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг. За отличие в этой войне в апреле 1828 года его произвели в унтер-офицеры⁴.

Лейтенант Гвардейского экипажа Николай Павлович Акулов (или Окулов) за участие в восстании 14 декабря был арестован и разжалован в рядовые. В июле 1826 года его определили в Томский гарнизонный батальон, а в марте 1827 года перевели на Кавказ, в 42-й егерский полк. Участвовал в военных действиях 1827—1828 гг. против персидских войск.

Поручик лейб-гвардии Финляндского полка Николай Романович Цебриков, как говорится в «Алфавите» декабристов, «на площади был в толпе мятежников». Был заключен в Петропавловскую крепость, затем приговорен «к лишению дворянства и к разжалованию в солдаты без выслуги». В марте 1827 года был назначен в «пехотный фельдмаршала графа Паскевича полк». Цебриков участвовал в персидской кампании 1827—1828 гг.

Число декабристов и «прикосновенных» лиц, принимавших участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг., не ограничивается вышеуказанными лицами. В боях за Восточную Армению сражались также «злоумышленники» А. А. Добринский, М. Д. Лаппа, Д. А. Искрицкий, Н. П. Кожевников, Д. А. Арцыбашев, Н. А. Васильчиков, М. И. Пыхачев, А. А. Фок, А. А. Авенариус, И. П. Конюницын, В. Ф. Волков, И. П. Гудим, А. А. Суворов, Л. А. Молчанов, Павел Бестужев, подполковник Гвоздев, штабс-капитан Лашкевич и некоторые другие. Все они в той или иной степени участвовали в тех боях персидской кампании, в результате которых Восточная Армения была освобождена от персидского ига и присоединена к России.

¹ См. ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 122, л. 91.

² Там же, л. 61, ч. 247, л. 2.

³ См. ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 127, л. 12.

⁴ См. там же, л. 61, ч. 120, л. 1.

Почти все декабристы, участвовавшие в русско-персидской войне, принимали активное участие также в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., храбро сражаясь против турецких войск под Карсом, Ахалцыхом, Эрзерумом и при занятии многих других городов и крепостей.

2.

В восстании декабристов принимало участие несколько тысяч рядовых из армии и флота. Коронованный палач Николай I жестоко расправился и с ними. Революционные солдаты и матросы были подвергнуты жестоким телесным наказаниям и заключению в разные крепости, затем сосланы на каторжную работу в Сибирь или переведены в дальние армейские полки. Многих рядовых «мятежников» отправили на Кавказ, чтобы в кровавых военных действиях против горцев они имели «случай кровью искупить вину свою».

Отправка «взбунтовавшихся» солдат и матросов на Кавказ была осуществлена в основном тремя партиями. В конце февраля 1826 года на Кавказ были отправлены те солдаты лейб-гвардии Московского и лейб-гвардии Гренадерского полков, которые принимали участие в восстании 14 декабря 1825 года, но получили «прощение». Из этих солдат был сформирован специальный, так называемый лейб-гвардии Сводный полк. Примерно в эти же дни на Кавказ были отправлены те солдаты лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, а также матросы Гвардейского экипажа, которые за участие в событиях 14 декабря находились в заключении в Выборгской и Кексгольмской крепостях. Наконец, в начале мая того же года на Кавказ были переведены и рядовые «мятежники» Черниговского пехотного полка, поднявшего знамя восстания на Украине.

Лейб-гвардии Сводный полк был создан в феврале 1826 года. В приказе по гвардейскому корпусу от 17 февраля 1828 года генерал от кавалерии Войнов писал: «От командира Отдельного Кавказского корпуса получен его императорским величеством рапорт, что продолжающийся в Чечне бунт принуждает генерала Ермолова, с наступлением весны, приступить к решительным мерам для наказания возмущившихся горцев. Вследствие сего, государь император высочайше повелеть соизволил сформировать два гвардейских батальона, один из л.-г. Московского, а другой из л.-г. Гренадерского полка — из тех самых нижних чинов, которые во время происшествия 14 декабря увлечены были ложным истолкованием и понятием присяги»¹.

Вскоре после этого приказа были сформированы вышеуказанные гвардейские батальоны, которые и составили лейб-гвардии Сводный полк. Командиром полка был назначен полковник лейб-гвардии Преображенского полка, бывший член Союза Благоденствия, Иван Павлович Шипов. 27 февраля Сводный полк выступил из С.-Петербурга в следующем составе: рядовых 1107, штаб-офицеров 2, обер-офицеров 31, унтер-офицеров 70, музыкантов 28, нестроевых 49, всего 1287 человек².

Полк должен был следовать на Кавказ по маршруту: С.-Петербург, Рыбинск, Астрахань, Кизляр. Маршрут этот в основном был соблюден. 9 апреля полк прибыл в Рыбинск и остался здесь до середины мая. 18 мая полк на семи судах и барках поплыл в направлении Астрахани, куда и прибыл 3 июля. 10 июля полк выступил из Астрахани

¹ ЦГИАМ, ф. 48, 1826 г., л. 888, л. 17.

² По списку полк состоял из 1320 человек (см. там же, л. 16).

и через пять дней прибыл на Шандруковскую пристань; 18-го прибыл в город Кизляр, а 30 июля в город Моздок.

По первоначальному плану лейб-гвардии Сводный полк должен был принимать участие в планируемых генералом Ермоловым экспедициях против горцев. Но когда в середине июля 1826 года вспыхнула русско-персидская война, полк получил приказ следовать в Закавказье, для участия в персидской кампании. Согласно новому приказу, полк отправился из Моздока в Тифлис через Екатериноград, Коби и Душет.

Полк «бунтарей» прибыл в Тифлис 16 августа. Командир полка полковник И. П. Шипов, стараясь вступить в город в должной «чистоте и опрятности», в приказе от 15 июля писал: «Завтрашний день по утру полк имеет вступить в гор. Тифлис в присутствии генерала от инфантерии Ермолова. Уверен, что гг. батальонные и ротные командиры приложат все старание, чтобы их батальоны и роты, вступая в столицу Грузии, в первый раз явились новому начальнику в совершенной чистоте и опрятности. Надобно показать, что и в продолжительном и трудном походе гвардия государя императора умсет сохранять исправность и порядок... Полк вступает с церемонией; одетыми быть в мундирах с открытыми лацканами и летних панталонах и киверах с чехлами. Гг. штаб и обер-офицерам быть в зеленых брюках»¹.

Полк оставался в Тифлисе около месяца. Вместе с некоторыми другими воинскими частями этот полк Ермолов держал в Тифлисе с тем, чтобы в случае необходимости усилить действующий русский отряд на эриванской границе и наблюдать «за турецкими пограничными землями, где, по новому распоряжению султана, формируются войска»². 12 сентября с отрядом войск, в составе которого находился и Сводный полк, Ермолов выступил из Тифлиса на Казахскую и Шамшадильскую дистанции, «дабы не допустить сардара эриванского грабить нам приверженных»³. Боясь наступающего Ермолова, эриванский хан спешно отступил, и русские войска 29 сентября стали лагерем при речке Гасансу. Нужно сказать, что в эти же дни другой отряд под командованием знаменитого Дениса Давыдова, преследуя войска брата эриванского сардара Гасан-хана, освободил Лори и Памбак от вторгнувшихся в эти районы персидских войск. Отряды Ермолова и Д. Давыдова действовали по общему плану. Таким образом, еще в сентябре 1826 года лейб-гвардии Сводный полк играл определенную роль в деле очищения некоторых северных районов Армении от войск эриванского хана.

В октябре-ноябре 1826 года лейб-гвардии Сводный полк принимал участие в экспедиции, предпринятой Ермоловым в Ширванскую, Шекинскую и Кубинскую провинции с целью пресечения антирусской деятельности ханов, связанных с персидским двором. Характерно, что когда Сводный полк и другие части, входившие в состав отряда, 19 октября вступили в Нуху, то «простой народ встретил русские войска с радостью, но большинство беков бежало вместе с ханом»⁴. То же самое происходило и в других городах. Отряд вернулся в Тифлис 19 декабря.

¹ С. Э. Скрутковский, Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в персидскую войну с 1826 по 1828 год, СПб, 1896, стр. 18.

² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 375—376.

³ Там же, стр. 375.

⁴ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПб, 1883, стр. 691.

Весною 1827 года, когда возобновились военные действия, Сводный полк вместе с другими частями главных сил Кавказского корпуса двинулся в Эриванское ханство. Выступив из Тифлиса 5 мая, он через пять дней прибыл в Шулаверы, а в середине мая остановился в Джалал-оглы. 8 июня отряд, в состав которого входил полк рядовых солдат, участников восстания декабристов, не встретив серьезного сопротивления, вступил в Эчмиадзин. «Отсюда генерал Паскевич, считая нужным пресечь Гасан-хану возможность пробраться в крепость Сардарабат, намеревавшемуся также напасть на наши обозы, следовавшие от Безобдала к Эривани, откомандировал для этого лейб-гвардии Сводный полк при одной роте армянского ополчения, 4 орудиях Донской конно-артиллерии № 3 роты и Донского казачьего полковника Шемчева полка, под командою полковника Шипова 2-го. Батальоны с означенным отрядом выступили 11 июня от монастыря к Сардарабату и на пути своем 12-го встретились с небольшою персидскою партией, которая вскоре отступила. Гасан-хан, узнавши о движении нашего отряда, отретировался к реке Аракс, а отряд возвратился обратно 14-го числа к монастырю Эчмиадзину»¹.

Спустя некоторое время, 26 июня, Сводный полк вместе с другими частями занял Нахичевань, а через несколько дней двинулся к крепости Аббасабад. В горячих боях за эту крепость полк Шипова принимал самое активное участие. Он «с распущенными знаменами и с музыкой вступил в крепость»².

В середине июля наступили необычайно жаркие дни. Чтобы избежать удушливого зноя и болезней, Сводный полк и другие части главных сил Кавказского корпуса вместе со штабом Паскевича двинулись в горы Карабаба, находившиеся в 50 верстах от крепости Аббасабад. В новом лагере русские войска остались до конца августа. В связи с тем, что большая персидская армия во главе с Аббасом-Мирзой активизировала свои действия в районах Эчмиадзина и Сардарабата, 29 августа русские войска оставили Карабабу и форсированным маршем двинулись в Эчмиадзин. Лейб-гвардии Сводный полк и другие части, пройдя за несколько дней около 150 верст, уже 5 сентября появились под стенами Эчмиадзина. Армия Аббаса-Мирзы спешно скрылась за Араксом, заранее усиливая гарнизоны Сардарабата и Эривани.

По приказу Паскевича, с 14 сентября началась осада Сардарабата, который пал 20-го числа. В осаде и взятии этой крепости участвовал также лейб-гвардии Сводный полк. «Осадные работы шли настолько быстро, что уже 18 сентября большая батарея с двухсотсаженного расстояния стала громить крепость и после 500 выстрелов совершенно разрушила большую четырехугольную башню. В ночь с 18-го на 19-е под прикрытием лейб-гвардии Сводного полка устроена новая параллель и батарея в ста саженях от крепости. Лейб-гвардии Сводный полк находился в шестидесяти саженях от крепости под сильным огнем, но ни одним выстрелом не отвечал на стрельбу персов и тем не дал им возможности точно определить место наших новых осадных работ»³. Личный состав полка и здесь отличился своею храбростью и неустрашимостью.

Рядовые участники восстания 14 декабря сыграли большую роль, в частности, в деле освобождения Эривани от персидского ига. Во

¹ „История лейб-гвардии Гренадерского полка“, 1895, стр. 158.

² АКАК, т. VII, стр. 553.

³ „История лейб-гвардии Гренадерского полка“, стр. 75.

время осады крепости они находились в первых рядах осаждающих войск. 1 октября 1827 года, в день взятия Эриванской крепости, роты Сводного полка первыми начали штурм и первыми вступили в крепость. Шесть рот Сводного полка под командованием полковника Шипова,— рапортовал Паскевич 3 октября 1827 года,—«бросились через брешь и заняли юго-восточную башню первой и второй стены и примыкающие к ней куртины»¹. Вскоре после этого Сводный полк и другие войсковые части вступили в крепость. Упорный Гасан-хан с остатками своих войск «ушел в главную мечеть», намереваясь здесь продолжать сопротивление. Но солдаты лейб-гвардии Сводного полка скоро взяли его в плен. «Начальник корпусного штаба генерал-лейтенант граф Сухтелен подошел к означенной мечети с двумя ротами лейб-гвардии Сводного полка. Сарбазы хотели еще защищаться, но когда наши гвардейцы взвели курки, то все они бросили оружие и сдались, и граф Сухтелен лично обезоружил Гасан-хана»².

Интересно отметить, что Гасан-хан хотел взорвать крепость, но подпоручик Сводного полка Григорий Григорьевич Лелякин, привлеченный в свое время к следствию по делу декабристов, проявив самоотверженность, предотвратил злой умысел хана. Когда русские войска вступили в крепость «подпоручик Лелякин, узнав от жителей, что в пороховом погребе, в котором находилось более двух тысяч пудов пороха, положен зажженный фитиль, ни мало не медля, с самоотвержением бросился в погреб, вынул фитиль и тем не допустил взрыва крепости»³.

После взятия Эривани Сводный полк вместе с другими частями главных сил Кавказского корпуса двинулся к Тавризу. Выступив из Эривани 5 октября, пройдя через города Нахичевань и Маранду, полк 22-го числа с церемонией вступил в Тавриз, который до этого уже был занят другим отрядом русских войск. С ноября 1827 года по январь 1828 года полк квартировал в Дей-Каргане, где, как известно, происходили переговоры между Паскевичем и Аббасом-Мирзой. С 11 января по 20 февраля полк стоял в местечке Бинаба. После заключения Туркманчайского мирного договора гвардейцы вернулись в Тифлис. Выступив из Бинабы 21 февраля, они, пройдя Тавриз и переправясь через Аракс у Асландуза, 11 апреля 1828 года прибыли в Тифлис.

Нужно сказать, что в Сводном полку находились, кроме рядовых «зломышленников», также некоторые лица из офицерского состава, причастные к движению декабристов. В их числе был прежде всего сам командир полка Иван Павлович Шипов, а также подпоручики М. Кудашев, Н. Шереметев и другие.

Лейб-гвардии Сводный полк храбро сражался во многих битвах русско-персидской войны 1826—1828 гг. О героических подвигах полка Паскевич рапортовал И. Дибичу: «В многотрудной войне сей лейб-гвардии Сводный полк оказал столько усердия и твердости, сколько можно было ожидать оных от людей, искренно желавших искупить не намеренную вину свою пожертвованием себя... Я употреблял его исключительно там, где предвиделось наиболее опасностей, и во всех сих случаях он являл постоянно мужество, непоколебимое усердие и самую строгую воинскую подчиненность»⁴.

¹ АКАК, т. VII, стр. 566.

² «Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год, описанные Платоном Зубовым», т. 2, ч. 4, СПб, 1836, стр. 178.

³ «История лейб-гвардии Гренадерского полка», стр. 168.

⁴ ЦГИАМ, ф. 48, л. 27, л. 221.

Рапортуя о покорении Аббасабада, генерал Паскевич о героизме и выносливости лейб-гвардии Сводного полка писал: «Всех более достоин удивления гвардейский батальон; порядок и ревность неимоверные. Я счастлив, что могу его ставить образцом для прочих войск здешнего корпуса: всегда первый в походе, на работе, в сражении и менее других изнурен усталостью; в траншеи под сильнейшим огнем порываются один пред другим, каждый к своему делу; и под знойным поясом почти не заметно, что они пришельцы из климата полярного. Тогда как от прочих обозов я с ума сходил, гвардейцы чрез горы проходили скоро и без мешательства и становились лагерем»¹.

По приказу Николая I от 15 марта 1828 года, все войска, принимавшие участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг., получили специально утвержденную серебряную медаль. Такие медали получил также весь личный состав лейб-гвардии Сводного полка. Но, помимо этого, часть солдат этого полка была награждена и боевыми орденами. Так, за взятие Сардарабада в каждой роте полка рядовые получили 5, а за Эривань 8 Георгиевских крестов.

В числе «рядовых бунтарей 14 декабря», награжденных за взятие Эривани, оказались, например, солдаты Сводного полка Карней Вислянов, Феоктис Петров, Афанасий Павлов, Архип Кравцов, Алексей Вершинин, Афанасий Ткаченко, Степан Шипунов, Гаврил Антонов, Василий Осекон, Иван Сагинов, Никифор Шалдаев, Андрей Журавлев, Аким Ботвинка, Моисей Александров, Тарас Сидоров, Матвей Грулев, Сергей Тимофеев, Максим Дековаленко, Кузьма Петрушенко, Нил Григорьев, Максим Кузьмин, Гаврил Бондаренко и др. За отличие при взятии крепости Сардарабад получили «знаки отличия военного ордена» рядовые Семен Пятаков, Григорий Алексеев, Петр Бобровский, Иван Оносов, Федор Щукин, Иван Сергеев, Кузьма Попов, Максим Зайцев, Иван Ермолаев, Иван Баранов, Петр Степанов, Дементий Афанасьев, Петр Новоселов и др.²

Из унтер-офицеров за взятие Эривани и Сардарабада получили ордена Федор Бирюков, Герасим Петров, Елисей Переверзин, Егор Матвеев, Василий Фомин, Иван Иванов, Григорий Тимофеев, Филипп Тищенко, Иван Гранкин, Ивлей Михайлов, Михаил Белоусов, Иван Ганц, Степан Шерстюк и др.³

Мы уже отметили, что, кроме солдат, из которых был составлен лейб-гвардии Сводный полк, на Кавказ были отправлены также те «нижние чины» Московского и Гренадерского полков и Гвардейского экипажа, которые за свое активное участие в восстании 14 декабря не были «прощены» и, будучи арестованы, содержались в Выборгской и Кексгольмской крепостях. По приказу царя эти матросы и солдаты также были переведены в «теплую Сибирь». В начале марта 1826 года 293 «злоумышленника» из Выборгской и 392 из Кексгольмской крепостей под командованием подполковника учебного саперного батальона Махова отправились в путь. Сосланных сопровождал конвой. «В помощь подполковнику Махову,—сказано в одном официальном отношении,—прикомандированы для командования сими людьми шесть офицеров из полков Отдельного Финляндского корпуса, а для сопровождения из Выборгского гарнизонного полка назначены унтер-офицеры и рядовые...

¹ АКАК, т. VII, стр. 564.

² См. «История лейб-гвардии Гренадерского полка», стр. 3—4.

³ См. там же.

с ружьями и ружейною аммунициею на каждые 10 или 12 человек по одному»¹.

Специальный отряд Махова шел на Кавказ примерно по тому же маршруту, каким шел лейб-гвардии Сводный полк. До Рыбинска их отправили пешком, а оттуда до Астрахани—на судах. Как видно из рапорта астраханского гражданского губернатора на имя генерала Ермолова от 10 июля 1826 года, отряд Махова прибыл в город Саратов 4 июля и в тот же день был отправлен в Астрахань. Махов из Саратова сообщил, что его отряд состоит из «государственных преступников» в следующем количестве: из Выборгской крепости 16 унтер-офицеров, 7 музыкантов и 262 рядовых; из Кексгольмской крепости 27 унтер-офицеров, 3 музыканта и 352 рядовых; всего 43 унтер-офицера, 10 музыкантов и 614 рядовых. Конвой, сопровождавший отряд, состоял из следующих лиц: офицер—1, обер-офицеров—8, унтер-офицеров—7, рядовых—68, лекарь—1, фельдшер—2, денщиков—11.

Солдаты и матросы из отряда подполковника Махова были переведены из Астрахани на Северный Кавказ, а оттуда—в Закавказье. В связи с русско-персидской войной их распределили в полки, которые в дальнейшем участвовали в этой войне. Так, рядовые-декабристы были определены в 41-й и 42-й егерские полки, в Ширванский, Тифлисский, Нашебургский, Козловский и Кабардинский пехотные полки, в 8-й Пионерный батальон. А почти все эти воинские части, в особенности указанные егерские, а также Ширванский, Тифлисский, Кабардинский пехотные полки и Пионерный батальон, принимали активное участие в военных действиях, развернувшихся в 1826—1828 гг. в Армении и Азербайджане. Таким образом, рядовые декабристы как из Сводного полка, так и из отряда подполковника Махова побывали в Армении и сыграли значительную роль в историческом акте присоединения этой страны к России.

В начале 1828 года по приказу Николая I «государственные преступники» из отряда Махова, распределенные по разным полкам действующего Кавказского корпуса, были переведены в лейб-гвардии Сводный полк и с ним в июле 1828 года вернулись в С.-Петербург. В Сводный полк поступили:

154 чел. из 41-го егерского полка
 21 чел. из 42-го егерского полка
 164 чел. из Ширванского пехотного полка
 165 чел. из Тифлисского пехотного полка
 19 чел. из Нашебургского пехотного полка
 12 чел. из Козловского пехотного полка
 20 чел. из Кабардинского пехотного полка
 23 чел. из 8-го Пионерного батальона².

Итак, было переведено всего 578 человек, из которых 39 «мятежников» из Гвардейского экипажа, а остальные—из вторых батальонов лейб-гвардии Московского и лейб-гвардии Гренадерского полков, участвовавших в восстании 14 декабря. Эти цифры, в частности, говорят о том, что, если в отряде Махова число «государственных преступников» в июле 1826 г. составляло 667 человек, то в начале 1828 года из них осталось 578 человек. Таким образом, 89 революционных солдат и матросов во время русско-персидской войны, по всей вероятности, были убиты или по ранению вышли из строя.

¹ ЦГИАМ, ф. 48, 1826 г., д. 888, л. 13—14.

² См. С. Э. Скрутковский, указ. соч., стр. 50.

До сих пор мы говорили о тех революционных солдатах и матросах, которые принимали участие в восстании декабристов на Сенатской площади в С.-Петербурге и за это были удалены на Кавказ. Следует сказать и о тех солдатах, которые участвовали в восстании декабристов на юге—на Украине—и вследствие этого также были сосланы на Кавказ.

На Украине восстание декабристов началось, как известно, 29 декабря. Здесь под руководством выдающихся декабристов Сергея Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и других известных членов Южного Общества поднял оружие против царского самодержавия Черниговский полк. Но 3 января 1827 года и это восстание было подавлено. Свириный царь и его сатрапы жестоко наказали всех «злоумышленников». Специально созданные военные суды приговорили революционных солдат к шпицрутенам, а потом часть из них сослали в Сибирь на каторжные работы, а другую, основную часть, отправили в полки Кавказского корпуса с тем, чтобы эти провинившиеся солдаты находились на первой линии огня.

Приказ царя был вскоре выполнен. Из Черниговского полка сформировали для отправки на Кавказ шесть рот, имевших следующий состав:

Роты	Музыкантов	Рядовых	Нестроевых	Денщиков
1-я рота	8	122	2	1
2-я „	9	121	2	1
3-я „	9	121	2	1
4-я „	7	122	3	—
5-я „	9	120	2	1
6-я „	9	120	2	1
Итого	51	726	13	5

Таким образом, в состав шести рот, предназначенных для отправки на Кавказ, были включены 795 нижних чинов¹. Для конвоя были выделены из 4-й пехотной дивизии 13 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров, 80 рядовых и 8 денщиков.

Отряд из шести рот Черниговского полка под командованием майора Бросе в начале мая 1826 года вышел из местечка Белая Церковь и отправился на Кавказ, в город Ставрополь, куда и прибыл в июле. «Мятежники» из Черниговского полка были распределены в полках отдельного Кавказского корпуса. Так, Кабардинский пехотный полк получил 10 человек, 43-й егерский полк—70, Таманский гарнизон—50, Апшеронский пехотный полк—85, Владикавказский гарнизонный полк—100, Ширванский пехотный полк—97, Моздокский гарнизонный батальон—100, Навагинский пехотный полк—130, Тенгинский пехотный полк—40 человек. Всего было распределено в указанных полках 773 рядовых.

¹ См. Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 379, оп. 1, д. 364, л. 32.

В архивных материалах сохранились списки черниговцев, определившихся в кавказские армейские полки. В одном из списков, например, мы читаем, что в Кабардинский пехотный полк были отправлены в числе других и следующие рядовые декабристы: Василий Осипов сын Осипов, 37 лет, в армии с 1813 года, из крепостных крестьян Смоленской губернии; Матвей Иванов сын Иванов, 39 лет, в армии с 1813 года, из чуваш Вятской губернии; Иван Игнатьев сын Игнатьев, 36 лет, в армии с 1813 года, из крестьян Тульской губернии; Игнат Филипов сын Руднев, 38 лет, в армии с 1812 года, из дворовых Курской губернии; Семен Петров сын Петров, 27 лет, в армии с 1818 года, из крестьян Тульской губернии; Исак Артемьев, 36 лет, в армии с 1811 года, из крепостных крестьян Могилевской губернии; Никифор Феодорович, 34 лет, в армии с 1812 года, из крестьян Саратовской губернии; Фома Антипов, 20 лет, в армии с 1825 года, из крестьян Белостокской губернии¹.

Почти все полки, в которые были определены черниговцы, участвовали в русско-персидской войне 1826—1828 гг. В частности, Ширванский и Кабардинский пехотные полки храбро сражались в боях за Сардарабад, Эривань и другие местности Восточной Армении. Только в указанных двух полках в 1827 году служило около 200 черниговцев. Все они прибыли в Армению и вместе с другими солдатами главного отряда Кавказского корпуса отважно сражались против персидской армии. Таким образом, часть рядовых-мятежников героического Черниговского полка, активно участвуя в персидской кампании, сыграла немалую роль в освобождении Восточной Армении от персидского ига.

Кроме черниговцев, на Кавказ были сосланы также солдаты из других воинских частей, расположенных на Украине, которые обвинялись в причастности к восстанию Черниговского полка. Так, например, на Кавказ были сосланы: из 8-й артиллерийской бригады рядовые Брагин Федор, Бухарин Федор, Гончаров Иван, Васильев Федор, Евдокимов Николай, Занин Иван, Крайников Григорий, Кузнецов Николай, Родичев Иван, Фадеев Иван и др.; из Саратовского пехотного полка унтер-офицеры Ганусовский Викентий, Иванов Матвей, Ляшко Федор, Мартинов Денис, Музников Петр, Стаценко Иван, Яцук Кондратий, рядовые Андреев Алексей, Бобылев Андрей, Николаев Федор, Пересеткин Макар, Турков Василий, Юрашев Федор, Янтарев Антон и др.

Рядовых участников восстания декабристов, как мы уже видели, царское правительство отправило на Кавказ в конце февраля и в начале мая 1826 года тремя основными партиями. Но ссылка «мятежников» в Кавказский корпус не ограничивалась этим. Отправка декабристов на Кавказ имела место, правда, в относительно малом количестве, как в течение 1826 года, так и в последующих годах. Так, 24 апреля 1826 года из Петропавловской крепости (С.-Петербург) на Кавказ была отправлена большая группа рядовых декабристов, в числе которых: матросы Гвардейского экипажа Валов Лавр, Екимов Иван, Ерыгин Петр, Зайцев Иван, Феодоров Никита, Захаров Тимофей; солдаты лейб-гвардии Московского полка Васильев Павел, Воронков Алексей, Вылетков Николфор, Губин Семен, Зорин Василий, Карнюженко Петр, Павлов Андрей, Семенов Рамазан; солдаты лейб-гвардии Гренадерского полка Иконников Тимофей, Патрекеев Дементий, Стрелков Петр, Тимофеев Иван и другие. Указанные лица, участвуя в восстании 14 декабря, получили ранения на Сенатской площади и некоторое время лежали в госпиталях С.-Петербурга. За причастность к восстанию декаб-

¹ См. ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 1, д. 364, лл. 356—358, 363—368 и др.

ристов из Украины на Кавказ были отправлены 20 декабря 1826 года солдат Саратовского полка Афанасьев Гурян, солдат Троицкого полка Бобылев Андрей и другие¹.

Таким образом, можно утверждать, что в течение 1826 года царское правительство сослало на Кавказ около 3000 рядовых декабристов, большинство которых принимало активное участие в военных действиях, развернувшихся в 1826—1828 гг. в Армении и Азербайджане.

В связи с русско-турецкой войной 1828—1829 гг. в Армению был выслан еще ряд других декабристов, о которых, однако, нужно говорить отдельно. Особо нужно рассматривать также те связи, которые были установлены между русскими дворянскими революционерами и армянскими политическими, военными и культурными деятелями.

ԴԵԿԱԲՐԻՍՏՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ 1826—1828 թթ.

Մ. Գ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Ճնշելով ցարական ինքնակալության դեմ ուղղված դեկաբրիստների ապստամբությունը, նիկոլայ I նրանց մի զգալի մասին Կովկաս արքորեց: «Տաք Սիրիր» ուղարկված «աղնվական ուղուցիտներին» շատերը մասնակցեցին 1826—1828 թթ. ռուս-պարսկական պատերազմին, այդ կապակցությամբ եղան Հայաստանում և զգալի դեր խաղացին Արևելյան Հայաստանը պարսկական խաների ու բեկերի ծանր լծից ազատագրելու և այն Ռուսաստանին միացնելու գործում: Երևանի, Սարդարաբադի, Էջմիածնի և Հայաստանի մի շարք այլ կենտրոնների ու վայրերի համար մղվող կռիվներում իրենց հերոսական սիրագործություններով առանձնապես աչքի ընկան «քաղաքական հանցագործներ» Ե. Լաչինովը, Մ. Պուշինը, Ա. Դանգելովը, Յ. Վիշնևսկին, Պ. Կոնովնիցինը, Ն. Սեմիչևը, Ն. Դեպրերազովիչը, Դ. Վոլխովսկին, Պ. Լեմանը, Ն. Շերեմետևը, Մ. Մալյուտինը, Ա. Ռինկևիչը, Պ. Բեստուժևը, Ն. Օրժիցկին, Ն. Ակուլովը, Ա. Վեդենյակինը, Ի. Շիպովը և շատ ուրիշներ: Դեկաբրիստների ապստամբությանը մասնակցելու համար Կովկաս արքորվեցին նաև լեյբ-գվարդիայի Մոսկովյան, լեյբ-գվարդիայի Գրենադերական ու Չեռնիգովյան գնդերից մոտ երեք հազար զինվորներ, որոնցից շատերը ռուսական Կովկասյան բանակի մարտիկների ու հայ, վրաց և ադրբեջանական կամավորների հետ միասին հերոսաբար կռվեցին Արևելյան Հայաստանի համար: Հողվածում խոսվում է 1826—1828 թթ. ընթացքում Հայաստան եկած գրեթե բոլոր դեկաբրիստների մասին և ցույց է տրվում այն մասնակցությունը, որ ունեցան նրանք ու շարքային «խոռվարարները» Արևելյան Հայաստանում այդ տարիներին տեղի ունեցող պատերազմական գործողություններին:

¹ См. ЦГИАМ, ф. 48, л. 888, л. 120.